

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

СМЕРТЬ ОТМЕНЯЕТСЯ

СОЛЫНЬ ПРЮЕКТ ЗНАМЕНИТОГО
СОАВТОРА ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ.
ЕЩЕ БОЛЬШЕ ИСТОРИЙ,
ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ.

25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРГОДИЕШ

Сергей Литвинов
Смерть отменяется

ИД «Городец»

2022

УДК 82.3
ББК 84(2РОС=РУС)6

Литвинов С. В.

Смерть отменяется / С. В. Литвинов — ИД «Городец», 2022

ISBN 978-5-907483-29-3

В Советском Союзе изобрели бессмертие... Ангелы готовы изменить что-то в твоей прошедшей жизни – но у тебя есть только одна попытка... Римская империя не распалась, она в настоящее время раскинулась на четырех континентах, и там царят жестокие и кровавые нравы... Для тотального контроля над населением в нашем городе внедряется система «Иов многострадальный»... Читайте эти и другие новые рассказы мастера детектива Сергея Литвинова!

УДК 82.3
ББК 84(2РОС=РУС)6

ISBN 978-5-907483-29-3

© Литвинов С. В., 2022
© ИД «Городец», 2022

Содержание

Смерть отменяется	6
Угол Невского и Марата	19
Судилище	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Литвинов

Смерть отменяется

Иллюстрация на обложке Оксаны Викторовой

© Литвинов С., 2022

© ИД «Городец», 2022

* * *

Сергей Литвинов – мужская часть литературно-криминального дуэта «Анна и Сергей Литвиновы». За двадцать три года совместной работы у тандема вышло более восьмидесяти детективных, приключенческих и мистических романов (суммарный тираж свыше двенадцати миллионов экземпляров).

Помимо дуэта у Сергея Литвинова есть и собственная творческая биография. Свой первый рассказ он напечатал в 22 года, когда учился в Энергетическом институте. После этого работал в газете «Лесная промышленность», журнале «Смена». Печатался в «Крокодиле», «Студенческом меридиане», «Литературной газете». Автор трех книг рассказов и очерков: «Лавка забытых вещей» (2013), «Лавка забытых иллюзий» (2017) и «Не только детектив» (2020).

Смерть отменяется

В этом варианте Вселенной маршал Жуков в 1957 году поддержал не Хрущева, а заговорщиков.

К власти пришел дуумвират: Молотов и Жуков.

Никиту Хрущева расстреляли, а Жукова вскоре отправили в почетную отставку. У власти воцарился Молотов.

В СССР снова установилась диктатура сталинского типа. Границы полностью закрыли, и никакой второй волны оттепели не случилось.

Сталин продолжал лежать в Мавзолее.

А в апреле 1961 года весь мир оказался ошеломлен: нет, в космос никто не полетел, зато Советский Союз объявил о создании БЕССМЕРТИЯ.

Петр Богатов, старший инспектор уголовного розыска. 1975 год, 20 мая

Телефонный звонок разбудил меня в пять утра.

Так и есть: дежурный по управлению.

Я всегда на ночь переносил аппарат на тумбочку рядом с тахтой. Именно на такие случаи. Иногда удавалось отбояриться от срочного выезда и снова нырнуть в объятия Морфея.

Но, как я сразу почувствовал, не в этот раз.

Голос Ивана Фомичева, дежурного по управлению, звучал взволнованно.

– Петька, у нас убийство.

– Бывает. Я при чем?

– На Кутузовском, в номенклатурном доме.

– Все равно это не повод названивать мне в пять утра.

– Убитый – бессмертный.

– Пфф. Это меняет дело. А соседи не хотят забрать себе историю?

Соседями на нашем жаргоне звались сотрудники КГБ при Совете министров СССР.

– Я им сообщил, конечно. А как там дальше – не нам с тобой решать. Поэтому твое присутствие обязательно.

– Еду. Диктуй адрес.

Блокнот с авторучкой я тоже всегда держал на такие случаи под рукой – на тумбочке.

– За тобой машину прислать?

– Сам доберусь. – Не любил я всех этих муровских машин с болтливыми водителями, не любил зависеть от кого бы то ни было.

Я побрился электробритвой «Харьков», а потом сунул ее в дипломат – кто знает, на сколько придется задержаться.

Потом решил, что я все-таки не салага-стажер, а старший инспектор МУРа, вприпрыжку бежать не обязан, и пошел на кухню завтракать. Смолот кофе, сварил его в турке, покрепче, на шесть ложек. Забацал яишню и отлакировал полтавской полукопченой – как раз вчера давали в заказе.

Я минуту поколебался, на чем ехать. Метро от моего дома под боком, но на Кутузовский, двадцать четыре (такой был адрес места происшествия) от «Киевской» или пешком пилить, или автобуса дожидаться. Поэтому в итоге сделал выбор в пользу личного транспорта.

Оделся. Очень удачно получилось, что лучшую рубашку, гэдэеровскую, с планочкой, вчера как раз погладил. Галстучек, конечно, обязателен – все-таки выезд на труп, и, не ровен час, соседи пожалуют. И начальство.

Спустился на лифте. Несмотря на ранний час, газеты в почтовый ящик уже бросили. Я выписывал «Правду» – это обязателька, невзирая даже на то, что я беспартийный, – и еще «Советский спорт» – право на эту я выиграл в лотерею, давали одну на отдел. Мы договорились с Женькой Коробкиным, которому не повезло, что я буду прочитывать «Спорт» по утрам в метро, а потом на службе отдавать ему. Сегодня, похоже, такую рокировку не сыграть – недосуг в машине читать, некогда с ним пересекаться.

Дверь нашего подъезда, как всегда, была распахнута настежь. Дом у нас рабоче-крестьянский, консьержка не положена. Временами домовые активисты поднимали волну: живем рядом с метро и электричкой, постоянно к нам шастают на троих соображать. Чтоб от алкашей отгородиться, мы скидывались, ставили внизу замок, раздавали всем жильцам ключи. Потом дело шло по стандартной схеме: кто-то ключ терял, замок взламывали – и снова подъезд стоял неприкаянный. Именно такое время переживалось теперь.

А я до сих пор радовался, что мне дали однокомнатную фатеру. После развода, как честный человек, я оставил жене и сыну нашу «двушку» и три года скитался по съемным квартирам, пока наконец в управлении не сжалились и наш генерал не подписал личное письмо в Моссовет. Да ведь и в новом фонде однокомнатные квартиры – редкость, не рассчитана советская жилищная программа на холостяков. Вот нашлась двадцатитрехметровая в двенадцатиэтажной башне, на пересечении всех дорог.

От автобусной остановки к станциям метро и электрички спешили невыспавшиеся люди. Равнодушно обтекали площадь с тремя великими. Три фигуры стояли клином: впереди Ленин, за ним – Сталин и Молотов. Памятник был типовой, аналогичные по композиции располагались во многих областных и районных центрах. У постамента лежал небольшой веночек, оставшийся после Первомая, уже слегка выцветший.

До моего гаража идти дальше, чем до метро, – и в том имелся существенный минус, когда выбираешь личный транспорт, а не общественный. Но оставлять свою ласточку на ночь возле дома было безумием. Ладно, «дворники» и наружные зеркала у меня съемные, я их, если паркуюсь не в гараже, забираю от лихих людей. Колеса на секретках – тоже быстро не снимут. Но могут ведь вскрыть капот, утащить аккумулятор, стартер, карбюратор, трамблер, провода силовые: все в дефиците. И сам лимузин запросто угонят. Нет, на 58-м году советской власти гараж для москвича – штука необходимейшая.

Я открыл дверь своего бокса, увидел крошку, и на сердце у меня потеплело. «Жигули», но не стандартная «единичка», а более новая «одиннадцатая» модель, с отражателями в задних фонарях, стильными вентиляционными решеточками в боковинах. Правда, цвет подкачал – радикально зеленый, но в наших условиях мало кто, кроме торгашей и бессмертных, имеет привилегию колер выбирать. И без того три года на очереди в управлении стоял.

Я открыл багажник, положил туда дипломат. Привычка не держать ценные вещи на виду сформировалась у меня после происшествия прошлым летом. Выскочил я тогда буквально на пять минут – мороженое купить, а кейс оплошно оставил в салоне. Когда вернулся – авто вскрыто, портфеля нет. Я, честно говоря, в тот раз даже в районное отделение не поехал заявление писать. Дипломат ценой сорок рублей, конечно, жалко. Но, кроме газеты «Правда», прочитанного «Спорта» и абсолютно лажовой книги Аркадия Первенцева, ничего в нем не было. И зачем на ребят в отделении лишнюю головную боль вешать – все равно грабителя не найдут, будет им по моей милости висяк.

Я выкатился задним ходом из гаража, вышел, закрыл железные створки, навесил замок. Выехал на улицу Красный Казанец и промчался мимо метро «Ждановская» и памятника трем вождям. Народ к станции с автобусов и троллейбусов шел гуще. Возле платформы «Вешняки» я переехал по эстакаде на другую сторону железки и понесся дальше, к Волгоградскому проспекту. Скорость сразу увеличил до максимума. Гаишники по утрам особо не активничают, а даже если остановят – не будут *сотрудника*, да еще спешащего на убийство, мытарить.

Радио в авто я пока не обзавелся – дефицит, да и дорого. И оставалось мне, по ходу дела, думать разные думы.

В эту пятницу мне предстояла очередная плановая исповедь в райкоме. И хотя я ни на секунду не верил, что меня когда-нибудь сочтут ценным кадром и допустят до жеребьевки – но порядок есть порядок, раз в два месяца приходилось являться как штык, что-то бубнить исповеднику. Хорошо бы, размечтался я, нынешнее дело меня закрутило, и тогда появится легальная возможность отсрочить мероприятие на месяц – а там и сезон отпусков, мой райкомовский инструктор может уехать отдыхать в какой-нибудь санаторий «Сочи» или что ему там по номенклатуре положено. Сколько ни встречал я нормальных ребят (и девчат) – никто в перспективность исповедей для рядовых граждан не верил. И морковка в виде возможной вечной жизни действовала только на совсем уж ограниченных и ушибленных пропагандой товарищей. Иное дело власти: через эти заслушивания они получали полную картину настроений, мыслей, деяний подведомственного им населения.

Никто меня не остановил, и я подумал: а вот этот проезд со скоростью сто двадцать по утренним улицам родной столицы – о нем следует рассказывать исповеднику? С одной стороны, явное нарушение морального кодекса строителя коммунизма, будущего общества полного бессмертия. А с другой – я спешу по делу. Наверное, придется поведать, утаивание на исповеди – один из самых тяжелых грехов, а там уж пусть они сами решают, снимать ли мне баллы за эту выходку или нет.

На машине все-таки получалось на круг быстрее, чем на метро. Пробок в СССР, в отличие от стран капитализма, не водится. Я просквозил по Садовому, а тут и Кутузовский. На перекрестке, где Дорогомиловская вливается в Кутузовский, – опять памятник, аналогичный по композиции: Ленин-Сталин-Молотов шествуют куда-то вдаль.

В том доме, что назвал мне Ванька, въезд во двор был открыт. Я заехал и припарковался у искомого подъезда, рядом с чьим-то старинным и пыльным кадиллаком по моде пятидесятых годов. Стояла тут и «раковая шейка» из отделения, и хорошо знакомая мне черная «Волга» из управления. Шофер сидел в салоне, чинно читал растрепанную книжку, похожую на библиотечный детектив. Я не стал его беспокоить.

И никакого больше авто, выглядящего официально. Ни одного транспортного средства, на котором могли сюда добраться кагэбэшники. А ведь еще одна черная «волжанка» тут по композиции сама собой подразумевалась. Странно: смежники проигнорировали преступление, что ли? Насильственную смерть бессмертного?

В подъезде тоже, невзирая на элитный Кутузовский, как и в моем колхозно-лимитовском доме на Ждановской, не было ни консьержки, ни запоров. Я поднялся на лифте на пятый этаж. Дверь мне открыл Вадик, которого угораздило сегодня дежурить в составе опергруппы. В коридоре топталась пара понятых.

– Введи меня в курс, – попросил я товарища.

– Пойдем.

В кухне эксперт, тоже мне смутно знакомый, описывал труп. Сержант по его команде приподнимал и держал голову убиенного. Лицо мильтона было белым. Да, с трупами родной милиции приходится встречаться, слава богу, нечасто. У нас тут не Чикаго.

Я кивнул эксперту. Тихо, чтобы не мешать, Вадик стал рассказывать:

– Труп сидел за накрытым наскоро столом. Как видишь: коньячок армянский «Пять звезд», лимончик, сыр, яблоки, клубника. Две рюмки, две тарелки. Пулевое отверстие во лбу. Упал прямо на стол. Здесь же, на столе, валялся пистолет. Макаров.

– Самоубийство?

– Пойдем, – Вадик утащил меня в комнату. Ясно зачем: чтобы эксперт с сержантом не услышали лишнего. Здесь, в большой комнате с высокими потолками, все стены были уставлены полками с книгами. Я огляделся: много имелось технической литературы с диковинными

названиями, в том числе по-английски и по-немецки. Но и модные вещи типа «Декамерона» или сборника Ахматовой тоже присутствовали – сто процентов, имел товарищ доступ к спискам книжной экспедиции, отмечал галочками дефицит, и ему заказанное привозили прямо на службу. Значит, явно не простой человек – номенклатура.

На одной из ручек книжного шкафа висел аккуратный черный костюм с черным же галстуком и белой рубашкой – словно человек его самому себе на похороны приготовил.

Я кивнул на одежду:

– Суицид?

– Ты слышал когда-нибудь, чтобы бессмертные с собой кончали?

– Нет. Но их и убивают нечасто.

И это тоже была правда. За бессмертного гарантированно давали вышку, причем без права помилования, и урки, например, прекрасно об этом знали. Да и обычные обыватели догадывались, что снисхождения не будет, если кто покусится на высшую касту.

– Может, собутыльник – или кто там в него стрелял – не знал, что убиенный – бессмертный? Кто он вообще такой? Что из себя представляет?

– Гарбузов Андрей Афанасьевич. Сорок восемь лет, академик, доктор технических наук, Герой Соцтруда. Женат. Супруга в данный момент на даче – сидит с внучкой. Участковый сейчас звонит туда, извещает.

И впрямь, откуда-то из другой комнаты слышалось бубнение.

– За какие заслуги стал бессмертным?

– Ты же знаешь, история обычно это умалчивает. Подозреваю, как в совсекретных указах пишется, «за создание и совершенствование ракетно-ядерного щита нашей Родины». А может, ему просто в Жеребьевке повезло.

Из соседней комнаты вышел участковый – немолодой полный майор в форме. Фуражку держал в руке и вытирал платком пот с лица. Увидел меня, кивнул:

– Здравия желаю.

– Как там вдова? – спросил я его.

– Какая вдова?

– А вы с кем сейчас говорили?

– А, ну да, с бывшей женой. Вдовой, значит. Плачет, конечно. Похоже, что не знала ничего.

– Кто сообщил в органы об убийстве?

– Соседи позвонили. Слышали выстрел около двенадцати ночи.

– Какие соседи?

– Из квартиры генерала Васильцова. Они здесь рядом, через стену практически, проживают.

– Из квартиры звонили, говорите? Кто конкретно звонил? Он сам, генерал? Или жена? Или прислуга?

– Не могу знать, звонили не мне, а прямо в отделение.

– Как вы в квартиру убиенного вошли?

– Входная дверь не заперта была. Замок французский, закрывается снаружи.

– А кто мог быть у убитого в гостях?

– Не могу знать! Я его связей не отрабатывал, не моя номенклатура.

– Кто у вас тут в подъезде проживает интересный? Кроме генерала Васильцова? Кто мог бы к трупу в гости пожаловать из соседей?

– Одну секундочку. – Участковый полез в свою папку на молнии, вынул оттуда толстую тетрадь, полистал, открыл на нужной странице, протянул мне. Там были аккуратно переписаны все жильцы всех квартир подъезда: пол, возраст, место работы. И в самом конце строчки – самый интересный столбик: в чем предсудительном бывал замечен. Подъезд был не весь

номенклатурный, а смешанный, и кое-какие квартиры даже числились коммунальными. И профессии граждан случались самые что ни на есть земные: слесарь шестого разряда, медсестра, продавец. В качестве порочащих моментов в примечаниях в основном значилось пьянство.

Например, у генерал-майора в отставке Васильцова было замечено тоненьким карандашиком: «Выпивает. Бывают скандалы с супругой».

А у жены его, Веры Петровны, которая почти на двадцать лет была генерала моложе, замечалось: «Поголивает. На этой почве случаются скандалы с мужем».

– Во-от, – заметил я удовлетворенно майору. – Вы говорите: не ваша номенклатура. А у вас тут, оказывается, птица не прошмыгнет, мышь не пролетит.

Участковый польщенно зарделся.

– Может, это она, соседка? – размыслил я вслух. – Васильцова Вера Петровна в гостях у нашего убиенного ночью-то была? А муж-генерал ее за этим занятием накрыл? За распитием спиртных напитков с академиком? Да в порыве ревности соперника застрелил?

Участковый в ответ на мои умопостроения подобострастно молчал.

Я пролистал тетрадь со списком граждан. Глаза наткнулись на проживающую в одиночестве этажом ниже Марию Крону, тридцати пяти лет, актрису Театра на Таганке. А также на примечание по ее поводу, сделанное округлым почерком участкового: «Выпивает. Часто бывают мужчины в гостях, разные. Бывает, громко кричат во внеурочное время. Случаются также шумные половые сношения».

– А может, наоборот, эта актрисулька с Таганки с убиенным вчера пировала, а?

– Токмо зачем ей его убивать? – философски откликнулся Вадик.

– Всякие конфигурации случаются, если коньячок... Обида, ревность, месть. Ладно. Облегчу-ка я вам дальнейший поквартирный обход. Если понадобится, я у генерала Васильцова, в пятьдесят третьей.

Я вышел в гулкой и прохладный подъезд, позвонил в соседнюю квартиру.

Мне нравилась манера наших советских людей: обычно отпирали без спроса, без «Кто там?», и даже цепочку редко кто накидывал, и в глазки мало кто смотрел – да и немного их было, тех глазков. Я вот себе поставил, а надо мной гости посмеивались: буржуй, товарищам не доверяешь. Вот и теперь – дверь немедленно распахнулась на всю ширину. На пороге стояла пергидрольная блондинка лет сорока, в атласном алом халатике и комнатных туфлях на каблучке. Ее легко можно было представить проводящей досуг с секретным сорокавосемилетним конструктором. Особенно если учесть, что мужу ее, генералу, шестьдесят пять.

Я представился по форме, удостоверение показал.

– Пройти можно?

– Муж спит. У него прям приступ сердечный случился со всеми этими происшествиями.

И она быстренько выскользнула на лестничную площадку и дверь в свою квартиру, где генерал почивал, от греха прикрыла. И взгляд у Веры Петровны, каким она меня оценила – сверху донизу, – был таким, знаете ли, очень женским, примеряющимся.

– Это вы позвонили сегодня ночью в милицию по поводу стрельбы у соседей?

– Не я, муж. Он услышал выстрел, он и позвонил.

– А в квартире у соседа вы вчера были?

– Я? С какой стати?

– Стол у него там на двоих накрыт. А вы соседка ближайшая.

Васильцова чуть не зашипела от злости, аки рассерженная кошка:

– Нечего на меня наговаривать! Не была я у него вчера!

– А вообще – захаживали?

– Ну, по-соседски иногда. Соль там если кончится или спички.

– То есть в половую связь с убитым вы никогда не вступали?

Мне показалось, что она сейчас вцепится мне в глаза своими отманикюренными ноготками – а что, запросто могла, если судить по виду и речи. Кто она там по происхождению: буфетчица, подавальщица, кастелянша? Где ее подцепил фронтовик генерал Васильцов?

– Не было у меня с убитым никогда ничего!

– Хорошо, я верю вам, верю. А вы-то вчера выстрел слышали?

– Да! Был какой-то хлопок. Мы кефир пили, когда мой генерал говорит: «Слышишь, Вера, кажется, стреляют. И кажется, у соседей». Ну, я ему и сказала сразу в милицию позвонить.

«Кефир пили» – это была хорошая деталь, которая сразу вызывала доверие к рассказу.

– А кто еще из соседей мог к академику в гости приходиться? Артистка Кронина, например, с четвертого этажа?

Лицо генеральской женки снова перекошилось.

– Машка – шлюха еще та. Но я свечки не держала. И не знаю, что у нее там с академиком было. И была ли она вчера у него? Вы сами у ней спросите.

– Спрошу, конечно. А вы знали вообще, что убитый – бессмертный?

– Конечно. Он особо не афишировал, не хвастался, но и не скрывал.

– Ладно. Если понадобится официальный допрос, мы вас вызовем повесткой.

– Я не против.

– Против, не против – прийти в любом случае придется.

Я заглянул назад в квартиру убиенного, где заканчивали описывать труп и результаты осмотра места происшествия, и сказал Вадику, что спущусь на этаж ниже, к артистке Кронинной.

За дверью молодой женщины грохотала музыка. Я прислушался и определил, что это – западный неодобряемый рок, опера «Иисус Христос – суперзвезда». Меня по этому поводу сынуля натаскивал, хоть я и говорил ему тысячу раз, что доведет его любовь к ненашей музыке до цугундера, а он все равно: ах, битлы; ах, роллинги; ах, свинцовые цепеллины. Где-то доставал за огромные деньги катушки с записями или пласты фирменные, переписывал на свой магнитофон, делился с друзьями. Позиция властей по поводу рока четкостью не отличалась: и не запрещалось строго-настрою, но и не одобрялось. Понятно, что в райкоме на исповеди любовью к зарубежной музыке хвастать не будешь и любое прослушивание тебе в минус идет – но и такого, чтобы бобины-катушки иноземные изымать, как книги запрещенные, заведено не было.

Я позвонил в дверь к актрисуле – раз, другой, третий.

Наконец музыку выключили, и на пороге возникла хозяйка.

Понятно, почему лицо генеральши при упоминании о ней искажалось – артистка ей, конечно, сотню очков вперед могла дать. Худенькая, маленькая, с тонкими чертами лица, в брючках и блузочке, она выглядела интеллигентной и даже одухотворенной. И – большущие бархатные глазищи. Правда, при этом вокруг нее распространялся явный алкогольный дух. Но пахло не примитивным портвейном или пивом – коньяком. Притом не старыми вчерашними дрожжами – новой, утренней выпивкой. Хотя и десяти еще не пробило.

– Проходите, – посторонилась крошка, когда я представился. Голос у нее тоже был бархатный – хорошо поставленный и глубокий. – Вы сыщик. Как интересно.

Она провела меня на кухню. Планировка оказалась в точности такая, как в квартире убитого, только отделано все по-модному: обшито деревом, словно в избе. А на стене – лапти висят. И большой деревянный ковш – кажется, он братина называется. На столе, опять-таки, бутылка коньяка. Только рюмка – одна. А еще баночка шпрот и маслины. Интересно, где она маслины достала? Сроду я их в магазинах не видел, и в заказах нам не давали. Может, у артистов заказы такие особенные? Или блат у нее где-нибудь непосредственно в Елисеевском гастрономе?

– Выпьете со мной? – приглашение, сделанное грудным и низким голосом, прозвучало столь вдохновляюще, что захотелось ему последовать.

– Не могу. Я на работе. И за рулем.

– Вы же милицанэр. Вас никакой постовой не остановит. А остановит – вы отбрешетесь.

– А вы что же? Выпиваете с утра? Не работаете сегодня? Выходной у вас?

– Репетиции нет. А до спектакля отмокну. Садитесь. Я сделаю вам чаю, раз вы серьезными напитками манкируете.

Она сосредоточенно подожгла спичкой газовую горелку.

– Мария, что вы делали вчера вечером?

– Спектакль играла. – Иона кивнула на большую афишу, что висела на одном гвозде прямо тут, на кухне. На афише большими буквами значилось: «ГАМЛЕТ», и она, Мария Кропина, – третьей или четвертой в числе действующих лиц: наверное, Офелия. А может, королева-мать, Гертруда. По возрасту, конечно, скорее Офелия. Но в современном театре все может быть.

– Хорошо принимали?

– Удастся до сих пор собирать обломки, – заметила девушка глубокомысленно.

– Вы о чем это? – совершенно не понял я, что гражданка имеет в виду.

– Актеры, конечно, пострадали от советской власти, но не так чтобы сильно. Но вот все, что вокруг!.. И без того мало кто отличался гигантским ростом, а как в итоге все совсем измельчало! Налейте мне уже коньяку.

Я послушно наполнил ее рюмку – вообще девушка обладала удивительной способностью внушать, обаять. Я пожалел, что отказался выпивать с нею. Было бы неплохо забыться с такой крошкой.

Онахватила коньяку – без закуски.

– Вы, наверное, знаете, чей самый лучший перевод «Гамлета»? Правильно, Пастернака. Но Пастернака в пятьдесят девятом расстреляли, отсюда все произведения его – вне закона. Вы об этом знали? Не знали?

А тут и чайник засвистел, изошел паром, и Мария бросила в заварной чайник три ложки индийского, «со слонем».

– А поэты? Композиторы? Исполнители? Режиссеры? Знаете ли вы, мой дорогой милицанэр, что в тысяча девятьсот двадцать втором году советское правительство выслало из молодой Республики Советов целый *философский пароход*? – Я не ведал, правда ли это, а может, антисоветские домыслы, и развел руками. – А то, что сорок лет спустя, в шестьдесят втором, наши руководители выслали на Запад целый *творческий самолет* – знали? Режиссеров, поэтов, писателей, композиторов? И да, толику актеров вместе с ними тоже, до кучи? Все большей частью молодых, отборных: Тарковского, Ромма, Чухрая, Калатозова, Хуциева, Рязанова Эльдара? Высоцкого, Галича, Окуджаву? Солженицына, Виктора Некрасова, Искандера, Аксенова, Вознесенского, Слуцкого Бориса?.. Что, правда, не знали? И не ведаете, как чекисты и цэкисты этим советское искусство обескровили? И как эти люди высланные сейчас там, в Америке и во Франции, на благо Запада успешно работают? Вы, может, по ночам и Би-би-си с «Голосом Америки» не слушаете?

– Остановитесь, Мария! – сделал я предостерегающий жест. – А то мне на ближайшей исповеди в райкоме придется вас, как это называется, застучать.

– Ууу, исповедь! Фу. Вы серьезно к этому относитесь? И ходите в райком? И несете там эту пургу, сами себя закладываете? Еще раз фу! А кажетесь приличным человеком!.. Ладно, я умолкаю. Пейте свой чай.

– Да, куда-то наш разговор не туда свернул. Что вы, говорите, вчера после спектакля делали?

– На такси и сразу домой.

– Спешили? Зачем?
– Хотела успеть, если честно, к Гарбузову заскочить.
– Вот как? Зачем вам было к убиенному заскакивать?
– Он классный. Веселый, остроумный, милый, глубокий. С ним так хорошо! *Было* – хорошо. И я надеялась – порой в глубокой тайне – что он бросит свою гримзу и женится на мне. Черт, я все утро пью за упокой его души. Видишь, сыщик, и бессмертие ему не помогло.
– А откуда вы узнали, что он мертв?
– Мне эта хабалка, Верка Васильцова, шепнула. Жена генерала, с их площадки. Гадина. Все про всех всегда знает.

– Может, это она его убила?
– Ой, нет. Мотива не было, да и смелости бы ей не хватило.
– А может, это сделали вы?
– А, я теперь подозреваемая! И поэтому вы мне больше не наливаете! И мне приходится с пустой рюмкой сидеть? Вы, что же, сыщик, не знаете, что подливать спиртное дамам – это привилегия и пре-ро-га-тива мужчин?

Я послушно нацедил ей еще армянского.

Она пригубила.

– Так все-таки? – настаивал я. – Вы спешили вчера вечером к себе домой, чтобы посетить Гарбузова. И?..

– К большому сожалению, он не мог меня принять. Он меня, грубо говоря, послал. Потому что к нему приехал его какой-то важный и любимый друг. Мужского, как он сказал, пола – и я ему поверила. Вообще-то Гарбузов не из тех, кто врет... Но кто он такой, этот друг, я не знаю, – при этом актрисуля сделала округлый жест в потолок, будто бы весь наш разговор кем-то записывается и поэтому ей приходится выбирать слова и выражения. – Да, не ведаю ни имени дружка Гарбузова, ни звания его. – А сама меж тем оторвала нижний край афиши, достала из ящика кухонного стола химический карандаш и написала на обороте: «Лев Станюкович, доктор биологических наук, приехал из Удельного». Протянула обрывочек этот мне.

– Значит, вы *не знаете*, с кем Гарбузов собирался встретиться? – спросил я, потрясая бумажечкой.

– Ведать не ведаю, – отвечала она, мелко кивая: мол, он этот, записанный ею гражданин. Я хоть и считал, что конспирация излишняя – кому, интересно, придет в голову *писать* какую-то актрисульку, да не из самого заметного театра? – но игру девушки принял.

– Значит, именно с этим *неизвестным* Гарбузов вчера ночью встречался? И выпивал с ним?

– Именно.

Я знал, что такое Удельное, о котором упомянула Мария: абсолютно закрытый и секретный город в дальнем Подмоскowie, на границе с Владимирской областью, где проводились и проводятся основные научные, исследовательские и экспериментальные работы по обеспечению бессмертия.

– Может, вы случайно знаете, где этот неизвестный остановился? Где сейчас проживает? Дома у себя в Москве или в гостинице?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Значит, вы утверждаете, что именно с этим *неизвестным* академик Гарбузов провел вчерашний вечер? И, возможно, тот его убил?

– Или после их разговора Гарбузов убил себя сам.

– Спасибо. Вы очень помогли следствию.

Я встал.

– Подождите. В театр сходить хотите?

– Не знаю. Нет, наверное. Дел много.

– Когда с делами покончите, тогда и пойдете. Контрамарка всегда будет вас ждать. Только позвоните, хотя бы за день. Телефон у меня простой, как специально, чтобы поклонники лучше запоминали и чаще звонили. Впрочем, от них и без того отбоя нет. А выбрать некого... Итак, мой номер: двести сорок три – сорок три – тридцать четыре. Сразу запомните и навсегда. Меня вообще никто по жизни не забывает, сыщик.

– Ладно, я буду иметь в виду ваше милое приглашение.

«А почему нет, – подумал я. – Когда, конечно, это дело кончится. Жены у меня давно нет, да и девушки постоянной – тоже. Можно пощекотать свои нервы связью с пьющей актриской».

Я вернулся в квартиру с трупом. И его, и место происшествия уже описали и укладывали убиенного на носилки.

Я спросил у эксперта:

– Какие выводы? Убийство? Или он сам?

– Выстрел произведен с очень близкого расстояния. Пороховые газы оставили отметины вокруг входного отверстия.

– Значит, самоубийство?

– Лоб – нехарактерное место для самострела. Неудобное – самому себе в него палить. Обычно суицидники в сердце стреляют или в рот. Так что, может, и кто-то другой бабахнул – с очень близкого расстояния.

– Какой твой выбор? Какова вероятность того или другого события?

– По расположению входного отверстия – процентов шестьдесят-семьдесят за самоубийство.

– Понял тебя. А сейчас мне нужен телефон.

– Пользуйся.

Майор-участковый проводил меня в спальню Гарбузова, где на тумбочке у кровати, совсем как у меня, стоял аппарат. Правда, спальня у академика оказалась не в пример больше моей: и в ширину, и в высоту, и в длину. Вот только наслаждаться ею он больше не сможет.

Первым делом я позвонил в ЦАБ – Центральное адресное бюро, назвал свой пароль – у нас, у первого отдела МУРа, он был запоминающийся и со значением: «Серый волк». Спросил адрес по прописке гражданина Станюковича Льва. Через минуту мне ответили: таковой не значится. Я с подобным уже сталкивался, и это, возможно, означало, что уровень секретности товарища Станюковича таков, что даже мне, с моим допуском, не дозволено знать, где он прописан.

Хорошо. Но вряд ли, если он приходил вчера поздним вечером к Гарбузову, затем в ночь отправился за двести километров к себе в Удельную. Наверное, остановился где-то здесь, в Москве.

Я позвонил в одноименную гостиницу, то есть «Москву», на проспекте Маркса. Представился. Станюковича поискали в списках – но нет, не нашли. Тогда я перебросился на «Россию». И – о радость: да, сказали мне, такой товарищ зарегистрирован. Номер шестьсот одиннадцать, телефон такой-то.

Исходя из показаний актрисульки Крониной, к гражданину Станюковичу можно уже было ехать с нарядом и арестовывать. Но доктор биологических наук – это вам совсем не вор в законе. Вряд ли далеко убежит. Ничего страшного не случится, если я с ним предварительно побеседую. Кое-что проясню.

Я попросил портъё соединить меня с комнатой, где проживал товарищ Станюкович. Тот оказался в номере и мне ответил. Я представился. Ученый переспросил, почему вдруг такой интерес у уголовного розыска к его персоне. Я ответил вопросом:

– Вы вчера встречались с академиком Гарбузовым?

– Было дело. С ним что-то случилось? Что конкретно?

– Я могу рассказать вам только при встрече.

– Вот как? Можете тогда сами приехать ко мне в гостиницу? Я, к сожалению, ограничен во времени. Прямо сейчас у меня небольшая встреча здесь, в отеле, а потом я готов увидеться с вами. Час дня вас устроит?

– Где?

– Давайте под открытым небом. Погода хорошая, прогуляемся. А сойдемся, например, у входа в кинотеатр «Зарядье».

– Идет. В час дня у «Зарядья».

Ничто в разговоре Станюковича не выказывало, что он как-то замешан в убийстве: ни волнения, ни страха. Выглядело, будто добропорядочный советский гражданин хочет оказать максимальное содействие органам.

Пока я разговаривал по телефону из спальни, прибыла труповозка, и теперь двое санитаров выносили из квартиры на носилках покрытое простыней тело.

Я попрощался с сотрудниками и сбежал вниз по лестнице.

До встречи у кино «Зарядье», которое, как известно, находится рядом с гостиницей «Россия», практически сопряжено с ним, оставалось еще полтора часа. Я сел за руль своей ласточки и не спеша вырулил на Кутузовский проспект. Развернулся у Москвы-реки и гостиницы «Украина», потом промчался по Калининскому, затем по проспекту Маркса мимо Манежа и Кремля – и менее чем через полчаса оказался на Солянке. Завтракал я, когда еще не было шести, поэтому заглянул в любимую рюмочную и заказал там бутерброды: с яйцом, килькой и корейкой. Водки брать, естественно, не стал. В рюмочной было шумно, многие курили, и классовый состав посетителей выглядел разношерстным: и закончившие смену таксисты, и сантехники в спецовках, и журналисты из близлежащей «Советской торговли», и даже, похоже, инструктора из рядом расположенного ЦК партии или тому подобные ответственные работники.

Ни с кем не вступая в контакт, я сжевал свои бутерброды, запил березовым соком и перебазировался вместе со своей ласточкой поближе ко входу в «Россию». Тормознул на пандусе, ведущем к въезду, – вообще-то останавливаться там запрещалось, об этом и знак извещал, и после колебаний ко мне даже подошел дежурный милиционерик. Ему я предъявил свои корочки и сказал, что запарковался ради оперативной необходимости, – тот с уважением отошел. На самом деле мне хотелось заранее посмотреть на Станюковича – почему-то не оставляла мысль, что я его узнаю. А пока, чтобы скоротать время, я достал из багажника дипломат и стал просматривать газетки. В «Советском спорте» был отчет об отборочном матче сборной СССР с Ирландией, и меня порадовало то, что вывод корреспондентов совпадал с моим (а я смотрел телетрансляцию, что вело центральное телевидение со стадиона имени Ленина в Киеве): победили наши уверенно и заслуженно. Скорее всего, на чемпионат Европы семьдесят шестого года они отберутся. А с чемпионом страны вопрос, несмотря на май и на то, что до конца сезона еще полгода, уже решен. Если чуда не произойдет, им станет, конечно, киевское «Динамо» во главе с Блохиным. Еще бы, если в сборной страны – одни киевляне. И эта команда только что европейский Кубок кубков выиграла.

Одним глазом я посматривал за входом в гостиницу. Вот вышла группа западных туристов, стала усаживаться в поданный им красный «Икарус». Вот двое нацменов в тубетейках пошагали в сторону Красной площади. Вот величественный мужчина с портфелем и знаком депутата уселся в такси. От нечего делать я взял просмотреть «Правду». Как часто бывало в главной партийной газете, передовица посвящалась самой животрепещущей (по мнению пропагандистов из ЦК) теме. Заголовок гласил: «БЕССМЕРТИЕ – НА СЛУЖБЕ ТРУДОВОГО НАРОДА!» Глаз выхватил основные, хорошо известные и приевшиеся постулаты: «В отличие от стран, где правит капитал, а вопросом бессмертия распоряжается узкая кучка бессовестных политиканов и денежных мешков, вечная жизнь в нашем Отечестве принадлежит трудовому народу... Практически каждый гражданин Страны Советов может получить прекрасное право на вечную жизнь – надо лишь честно работать, беззаветно любить свою соци-

алистическую Родину, аккуратно посещать собеседования-исповеди в соответствующих партийных органах...» Слова были такими же истертыми, как пять, десять или пятнадцать лет тому назад – когда с трибуны Мавзолея, при многотысячной толпе и прямой радио- и теле-трансляции, выступил первоиспытатель вакцины, простой советский парень и старший лейтенант, всеобщий любимец Юрий Петрухин: «Доклаживаю нашей любимой партии и всему советскому народу, что испытание лекарственного препарата, обеспечивающего бессмертие, проведено УСПЕШНО! Я чувствую себя отлично и готов выполнить любое новое задание советского правительства!»

Сколько с тех пор народу было обессмерчено – оставалось закрытой информацией. Даже мы в МУРе ею не владели. Кое-кто спорил (но только среди своих): а получили ли бессмертие генеральный секретарь Молотов и другие члены политбюро – и большинство были уверены, что, конечно, да.

А двадцать второго апреля, в день рождения вечно живого Ильича, обычно проводилась Жеребьевка, к каковой допускали лишь достойнейших из достойных граждан СССР. Претендентов перед лотереей каждый год значилось сто, из них выбирали имена пятерых счастливых – их узнавала вся страна, и они становились героями бесчисленных «Голубых огоньков» и очерков в тысячах газет и журналов, от «Правды» до «Молодого коммуниста». Обычно один колхозник, один рабочий, один деятель культуры. Ну и опционально: нацмен, партийный лидер среднего звена типа секретаря райкома и, может быть, ученый, инженер или партийный журналист. Пять счастливых ежегодно – о которых все знали. И еще сколько-то безымянных героев, о которых не ведал никто. Награжденные бессмертием секретными указами.

А вот из гостиницы вышел мой Станюкович. Я никогда не видел его раньше, но почему-то оперативное чутье мне подсказало: он. Такой, знаете ли, с убитым Гарбузовым два сапога пара: в возрасте, но крепкий, стройный, уверенный в себе, занимающийся (видимо) каким-то экзотическим спортом типа горных лыж или альпинизма, но главное, ученый, всего себя посвящающий любимому делу: науке, поставленной на службу трудовому народу.

Я запер свою ласточку и быстро пошел следом за ним. Да, товарищ двигался в направлении кино «Зарядье»: от концертного зала «Россия» спустился по лестнице вниз, к набережной. Я на секунду подумал, что на нем сейчас висит как минимум одна статья, на выбор: убийство или доведение до самоубийства, – и напомнил себе быть с гражданином аккуратнее.

Я подошел к нему – мужик и вблизи оказался высоким, стройным, загорелым. Премонстрировал ему удостоверение. Он экспрессивно воскликнул:

– Ради бога, скажите мне, что случилось? Что произошло с Андреем? С чем связан ваш интерес?

– Это вы мне расскажете. Вы ведь вчера с ним встречались?

– Да! Я был у него! На Кутузовском.

Мимо нас со смехом прошла молодая парочка.

– Пойдемте, – Станюкович увлек меня. Мы перешли проезжую часть набережной и оказались на том тротуаре возле гранитного барьера, у самой воды, куда обычно москвичи и гости столицы не добираются. Вот и сейчас на всем протяжении к Кремлю по нему шествовали не более двух человек.

– Расскажите о своем визите к Гарбузову. Когда пришли, когда ушли, о чем разговаривали. А начните с того, в каких вы отношениях состояли.

– Знаете, мы познакомились, еще когда Гарбузов лежал у нас на обследовании в Удельной. Какую-то мы друг к другу симпатию почувствовали. Ну и обменялись телефонами – хоть это против правил. И я всегда, как в Москве оказывался, Андрею звонил. Обычно мы встречались – иногда у него дома, а порой в ресторане. Вот и в этот раз: он настоял, чтоб я приехал. Даже свое собственное свидание с женщиной отменил.

– Хорошо. Во сколько вы у него на Кутузовском оказались?

Мы не спеша шли по направлению к Кремлю. На противоположной стороне Москва-реки дымила своими трубами МОГЭС-1, по фарватеру полз прогулочный теплоходик.

– Около восьми вечера.

– А ушли?

– Где-то в полдвенадцатого. Это легко проверить. Он по телефону вызвал мне такси.

– Значит, когда вы уходили, Гарбузов был жив?

– Жив! Вы говорите: жив! Он погиб?

– Около двенадцати ночи он, по всей видимости, пустил себе пулю в лоб. Что вы такое ему сказали? Такое, что он застрелился? Или это *вы* не уехали на вызванном такси, вернулись втихаря к нему в квартиру – и убили кореша?

– Ах, боже мой! Боже мой! – вскричал он, ломая руки. – Я не должен, не должен был ему говорить! Но мы оба выпили! Язык у меня развязался! А он так просил!

– Что же вы ему сказали?

– Он спросил меня, почему у него по онкологии плохие анализы – ему впрямую в больнице никто не говорил, но он чувствовал, что с ним что-то сильно не так. Как это вообще может быть: проблемы с онкологией, если он – бессмертный? Он же не должен умирать – совсем! А я сказал ему – научный факт, между прочим! – только у нас его изо всех сил замалчивают, да и на Западе стараются не афишировать. – Тут он оглянулся, но никто не слышал нас, ни единого человека не было в пределах видимости ни по нашему тротуару, ни по противоположному до самого Большого Устьинского моста. Машины мимо катили на довольно хорошей скорости, но и только. – Так вот: как показала практика, препарат Мордвинова, или в просторечии прививка бессмертия, действует, как оказалось, в среднем лишь примерно в шестидесяти процентах случаев. Остальные сорок процентов вакцинированных возвращаются к своему прежнему состоянию, и их, точно так же, как простых смертных, начинают одолевать болезни: рак, инсульт, инфаркт. Что там говорить! – Он снова оглянулся. – Вы знаете, что Юрий Первухин, любимый всем народом первоиспытатель, больше половины своего времени сейчас у нас, в клинике в Удельной, проводит? Мы потихоньку стараемся подтянуть его до параметров бессмертия – но не очень хорошо это удается.

– Значит, вы огорошили Гарбузова рассказом о том, что он, быть может, и не бессмертен вовсе. И это, возможно, стало толчком для его суицида.

– Поверьте! Я был очень аккуратен в выражениях! Поверьте! Но как я мог ему не сказать? Обмануть?! Мы же друзья!

Мы дошли до моста и по сигналу светофора перешли проезжую часть набережной на более людную сторону. Стал виден стоящий на Васильевском спуске, на фоне храма Василия Блаженного, еще один монументальный памятник трем вождям. Здесь гранитные Ленин, Сталин и Молотов сидели за круглым каменным столом и что-то обсуждали.

– Наверное, – спросил я, – у вас там, в Удельной, все силы сейчас брошены на то, чтобы у вождей наших все с бессмертием оказалось тип-топ?

– Ох. Я и так вам слишком много рассказал. Я надеюсь, вы благородный человек – вы производите впечатление благородного! – и не станете меня сдавать за мою болтовню.

Мы поднялись обратно к гостинице и пошли вдоль ее фасада, выходящего на реку.

– Не уезжайте никуда из города, – сказал я биологу. – Вас должны будут формально допросить. И, я думаю, на официальном допросе вы выдавать секретные сведения нашим сотрудникам не станете. В ваших же интересах.

Мимо на малой скорости проехала черная «Волга» с буквами в номере «МОС». Где-то я ее уже недавно видел. «МОС» означало правительственная – или спецслужбистская. Мы дошли до нужного Станюковичу крыла гостиницы.

– Я выкурю еще сигаретку, – сказал он. – Вы ведь не курите, я понял по запаху.

– Давайте. – Мы пожали друг другу руки. Мне понравился этот мужик – хоть он и оказался фактически убийцей своего друга Гарбузова.

Я дошел до моей одиннадцатой модели, сел. И ясно увидел через лобовое стекло сцену – хотя она происходила очень, очень быстро. К Станюковичу подкатила черная «волжанка» – по моему, та самая, с номером «МОС», из нее выскочили сразу трое спортивного склада молодых людей в костюмчиках, схватили ученого под руки и быстро забросили внутрь своего лимузина – ион умчался по пандусу на высоченной скорости.

Я тоже поехал – в сторону управления.

В своем кабинете я написал рапорт о расследовании (само)убийства Гарбузова. Разумеется, я умолчал о тех тайнах, что поведал мне Станюкович. Но написал, что считаю обязательным формально допросить его, – может, благодаря этому нам удастся вытащить его из лап КГБ?

Потом я оставил у Коробкина на столе – его где-то носило – сегодняшний «Советский спорт».

Затем взял у начальника отдела ключ от сейфа и достал оттуда свой Макаров и две обоймы. Положил пистолет в дипломат и отправился домой, на улицу Вешняковскую.

Как приехал, позвонил своему сыночку домой – его не оказалось, наверное, гоняет в футбол.

Набрал номер бывшей жены – она работала и выглядела страшно занятой.

– Постой, что ты хотел?

– Да так, ничего, просто проболтать.

А тот самый звонок раздался в дверь квартиры только в половине восьмого вечера.

Я глянул в глазок – многие, включая бывшую супругу, смеялись, что я его поставил, – а все-таки в итоге пригодилось.

На пороге, как я увидел в мутное стеклышко, стояли два подтянутых молодых человека в галстучках. Точь-в-точь как те, что арестовывали Станюковича. А может, *те самые*.

КГБ явно не собиралось, чтобы сведения о «неполноценном бессмертии» распространились от болтуна Станюковича дальше.

Я сжал рукоять Макарова.

Мне тоже совершенно не хотелось попадать им в лапы, во внутреннюю тюрьму на площади Дзержинского, дом два.

Поэтому я приготовился к своему последнему бою. Я собирался дорого отдать свою жизнь.

Автор благодарен Максиму Токареву, который поделился сведениями, как были устроены в семидесятых годах прошлого века советский сыск и следствие.

Угол Невского и Марата

Козлов Семен Иванович, доктор физико-математических наук, профессор, пенсионер. Наши дни

На семидесятипятилетие мне подарили бинокль. Чудный, с цейсовскими стеклами.

И еще я решил переехать в самый центр города. Мне давно хотелось пожить где-нибудь на Невском, чтобы бурление города начиналось сразу за моим парадным и за фасадным окном квартиры. Напоследок пришла пора выполнить свое желание, себя порадовать.

Чем приятен наступивший капитализм, так это тем, что исполнить можно практически любую прихоть – были бы только деньги. А деньжата у меня водились – все-таки не зря я жизнь свою прожил. Кой-чего накопил, слава богу. На пенсии мог существовать как рантье – самый ненавистный Ленину класс.

В итоге я попросил сына, который управлял моим имуществом, и он снял мне на длительный срок, до лета, квартирку в центре Питера, дачу же мою в Репино на это время сдал – я еще и в выигрыше остался. Сын поселил меня на углу Невского и Марата, в квартире с высокими потолками и окнами, мраморными подоконниками. Жилье мне очень понравилось. Это не барак, в котором я вырос в Колпино, и не моя первая хрущевка, которую мы с Людмилой получили в шестидесятых на Новоизмайловском проспекте. Да и в Америке, в кондоминиумах в Хьюстоне, где я работал, и в Лос-Анджелесе, где преподавал, потолки были низенькие, комнаты тесные, покрытые ненавистным ковролином, от которого у меня аллергия. Но тут – квартира мечты. Стены в три или четыре кирпича, широченные подоконники. Громадные окна вышиной в два с половиной метра. Никаких шумов от соседей, только равномерный гул с проспекта.

Вдобавок – с юности знакомый район. Когда-то, приезжая из своего рабочего пригорода на Московский вокзал, именно по этому проходному двору я бежал на Невский в «Колизей» и «Художественный»; тут, в громадном дворе с многочисленными подворотнями, ведущими в него с Пушкинской улицы, покуривал на лавочках среди сирени, а иной раз пил портвейн, водку и целовался. Теперь моя жизнь, в течение которой случалось мне квартировать и в Москве, и в Берлине, и в Нью-Йорке с Парижем, в основном прожита. Она сделала виток, и я снова оказался тут, между Пушкинской, Невским и Марата, – только через подворотни уже не пройдешь свободно. Они закрывались мрачными решетками: хочешь воспользоваться – нужен ключ-домофон. Впрочем, замки в подворотни, ведущие к нам во двор с Пушкинской улицы, все время ломали, поэтому те, кто знал секрет, все равно через дворы шастали.

В квартире моей имелись тихая спальня и кухня – окнами во двор, а вот окна гостиной выходили прямо на угол Невского и Марата. И всегда можно было от нечего делать рассматривать из окна бурно кипящую городскую жизнь. Я устраивался на своем кресле чуть в глубине комнаты, так, чтобы меня не было видно с улицы, и наблюдал. Иногда вооружался биноклем.

Днем на углу постоянно околачивался мужик-«бутерброд», рекламирующий обмен валюты на Марата, тринадцать. Он приходил на рабочее место со своей табуреточкой и часто посиживал на ней, отдыхая. Иногда его сменял человек с огромным плакатом: «Издадим любую книгу!». Или другой гражданин, указующий огромной стрелкой на ближайший «Макдональдс». Ближе к вечеру эти трудящиеся исчезали и на углу появлялась старуха, вся закутанная в пальто и платки: продавала ослепительно желтые нарциссы и веточки вербы. Старуха была похожа на мужика – высокая, как гренадер, и с жилистыми руками. Торговля шла у нее не бойко – чаще она безропотно давала справки приезжим.

Интересно было наблюдать за толпой, плотно идущей по Невскому. У светофора на переходе через Марата она останавливалась, накапливалась в ожидании зеленого сигнала. Я рассматривал лица людей – не ведая, что за ними наблюдают, они жили своей жизнью: говорили между собой, в наушники или по телефону. Толпа постепенно набухала. Потом загорался разрешительный сигнал светофора, зеленый человечек на табло начинал сучить ножками. На переход отводилось ровно тридцать три секунды. Толпа густо шла через Марата, а потом, на финальный отсчет зеленых секунд, бежали опоздавшие. Затем вспыхивал красный, и три полосы машин устремлялись с Марата налево на Невский, одна полоса – направо. Около пяти-шести вечера троллейбусы и авто не успевали проехать по Невскому, загоразивали перпендикулярную улицу, и среди поворачивающих на проспект начиналось истерическое бибиканье. Сигналили без зазрения совести, как в каком-нибудь Каире. На перекрестке случалось то, что американцы называют traffic jam – джем, варенье из машин, когда два потока чудным образом перемешивались. И пешеходы, когда загорался зеленый для них, лавировали среди лимузинов.

А потом для народа, идущего косяком по Невскому, все повторялось по новой: ожидание – накопление – движение. И они, эти люди, которых я наблюдал в бинокль или собственными глазами, исчезали из моей жизни, и больше никого из них я не видел.

К вечеру публика сильно менялась. Те, кто шли по Невскому днем – деловитые, спешащие, озабоченные – превращались в расслабленную, гуляющую толпу. Впрочем, отчасти тоже озабоченную, но другим – куда бы забуриться, с кем бы повстречаться. Они, эти вечерние фланеры, были намного моложе дневных, они чаще смеялись, а временами даже целовались, ожидая сигнала светофора.

А еще вечером во всю мочь начинало работать кафе в доме напротив, и чуваки-чувики выходили на тротуар перекурить. Там тоже шла своя жизнь. Парочки гладили друг дружку, иногда застывали в поцелуе. Одиночки лихорадочно, между затяжками, строчили эсэмэски. Те же, кто покуривал в компании, напропалую флиртовали между собою. Потом вечер заканчивался, они начинали из кафе вываливаться: стояли, ожидали заказанные такси или раздумывали, куда им направиться дальше, и тоже курили. Многие были нетрезвы и роняли сигаретки на тротуар. И даже издалека, из своей квартиры и безо всякого бинокля, было видно и понятно, какие они все молодые, глупые и счастливые. И мне оставалось им только завидовать.

Ночью машин становилось мало, и улицу Марата, а иногда даже и пустынный Невский, бывало, перебегали на красный. Кое-какие одинокие прохожие брели по тротуару, шатаясь или прикладываясь к бутылке или пакету с вином.

Смотреть на городскую жизнь можно было бесконечно – чем я и занимался. Два раза в неделю ко мне приезжала Зинаида из своего Пионерстроя – помощница: готовила, прибиралась, стирала и вывозила меня на улицу погулять. Иногда жаловал сын, появлялся, да вместе со внуками, двумя подростками-оболтусами, – и когда это случалось, у меня бывал праздник. Мы обедали и играли в настолки – настольные игры. Я научил их резаться в лото на деньги и втайне им поддавался. А еще втихаря от папаши вручал каждому по тысяче – надо же как-то компенсировать им часы, на которые они ради меня оторвались от своих компов и телефонов.

Остальное время дня и ночи я читал, зависал в Сети и разглядывал в высоченное окно прохожих.

А потом, в один прекрасный день, на перекресток Невского и Марата подвезли ярко-желтые барьеры. Сначала они скромно стояли на тротуаре, собранные в стопки. Потом вдоль дороги заняли места грузовики и поливалки, такие же ярко-желтые, как барьеры – или нарциссы у бабки.

«Что-то намечается», – подумал я и залез в Интернет. И впрямь: сегодня вечером собирався митинг в защиту арестованного лидера оппозиции, объявившего голодовку. На такую движуху обычно выходили молодые, которые очень не хотели, чтобы наша страна снова становилась СССР или хотя бы СССР-лайт – такой же угрюмой и свирепой, только с колбасой и без

партсобраний. Митинг, как и все сборища последних лет, был властью не разрешен, поэтому его готовились разгонять.

И правда: вечером началась движуха. Из окна я, впрочем, ничего не видел: все та же толпа, как вчера и позавчера, шла по Невскому, только молодежи побольше, чем обычно. И полицейские машины чаще по проспекту проносились. И сирены завывали.

Я стал следить за тем, что происходит, через Интернет. Смотрел обновления на оппозиционных телеграм-каналах и на сайте Би-би-си. Пять тысяч человек вышло во Владивостоке, четыре – в Хабаровске, семь – в Екатеринбурге. Столько-то задержанных. В Москве толпа идет по Тверской. МВД оценивает, что в столице в митинге поучаствовало шесть тысяч. «Значит, скорее, тысяч тридцать», – смекаю я. В Петербурге протестанты собрались у Мариинского дворца. Начались задержания. МВД считает, что в Питере демонстрантов четыре тысячи – стало быть, на деле около двадцати. Потом появились новые сообщения: толпа идет по Гороховой. Свернула на Рубинштейна. Совсем рядом.

Я снова подъехал в своей коляске к окну – и обомлел. Всю улицу Марата на самом пересечении с Невским – перекрыли! Сначала лицом к Марата установили поперек проезжей части веселенькие желтые барьерчики, потом впритык, бампер к бамперу, – два желтых грузовика и поливалку. Сзади за грузовиками разместились полицейская машина и автобус-автозак. А пространство между барьерами и машинами заняли гвардейцы: человек двадцать в шлемах, с опущенными забралами, со щитами и дубинками в руках, они стояли плечом к плечу – и все лицом к улице Марата. А сзади них, вторым рядом, еще столько же подмоги – уже без щитов, но тоже в полной боевой экипировке и с дубинками. Целый взвод нагнали, подумал я, сорок человек.

Вокруг ровным счетом ничего не происходило, но гвардейцы стояли смирно, всматриваясь в перспективу улицы и наблюдая там что-то, чего я рассмотреть не мог. За их спинами «космонавт», одетый так же, как все, в защитный панцирь и в шлем, но, очевидно, старший по званию, подняв забрало, всматривался в экранчик смартфона. Вдруг он оторвался от гаджета и, подняв голову, коротко что-то скомандовал. И тут же пять человек отодвинули желтый барьер, образовали проход и один за другим бросились куда-то вдаль по абсолютно пустой и темной улице Марата. Вид у них был хищный, охотничий – как у тигров или леопардов. Или, скорее, как у шакалов. Что они там увидели, куда бежали – я разглядеть никак не мог. Чтобы увидеть хоть что-то, мне требовалось распахнуть окно и высунуться из него едва ли не по пояс – по понятным причинам, подобного акробатического этюда я совершить не мог. Потом к этим пятерым убежавшим добавилось еще пятеро. Я открыл окно и в холодном весеннем воздухе смог услышать с улицы отчаянные молодые вопли: «Сволочи! Что вы делаете?! Фашисты! Звери!»

А потом вдруг у меня в квартире заголосил домофон. Я немедленно развернул свой экипаж и помчался – насколько мог быстро – к входной двери. (Безбарьерная среда была для меня необходимым условием для съема жилья.) Я снял трубку домофона. «Пустите! – прокричал в нем юный девичий голос. – Откройте, пожалуйста!» – а потом тяжелое дыхание и, как мне показалось, удар по чему-то мягкому и живому. Я немедленно и не рассуждая открыл кодовый замок калитки, ведущей в подворотню. Услышал по домофонной связи, как она распахнулась. Ну, слава богу, значит, кто-то забежал во двор. Скрылся? Спасся? А еще через минуту домофон заголосил опять – другим сигналом, будто звонили из парадного. И снова я, даже не спрашивая, кто там, и не дожидаясь ничьих объяснений, нажал клавишу «войти». Заскрипела в динамике отворяемая дверь, потом захлопнулась. Домофон отключился. Слава богу, если хоть кому-то я помог, оградил от садюг-омоновцев.

А еще через пару минут – я не успел со своей каталкой снова перебазироваться в гостиную, к моему пункту наблюдения за проспектом, – зазвонили в дверной звонок.

– Кто там? – крикнул я через дверь довольно строго. Почему-то взбрело в голову – эта мысль явно пришла из моего бывшего, советского прошлого: спецслужбы узнали, кто помог несчастным, и пришли меня арестовывать. Впрочем, не исключено, что эта идея, напротив, прилетела прямиком из нашего общего будущего.

– Вы открыли нам дверь в парадную, – раздался из-за двери тонкий девичий голосок, почти детский.

И тут же вмешался другой, столь же юный, но чуть более грубый:

– Пустите нас, а то нам страшно тут, на лестнице. И позвонить домой надо, а сотовая связь не работает, «космонавты» глушат.

– И еще писать очень хочется, – добавил за дверью первый голос, и они обе приснули.

Особо не раздумывая, я отпер входную дверь. На пороге стояли две девчонки: первая совсем юная, лет шестнадцати. Вторая постарше, лет двадцати трех. Какая-то общность их черт подсказывала, что девушки – сестры. Без шапок, в легоньких пальто и намотанных на шею шарфах. А еще с ними был черный пудель – без поводка и даже ошейника. И едва я открыл дверь, как он пролетел мимо меня внутрь квартиры и стал там носиться, цокая коготками по паркету.

– Вы еще и с собакой явились! – попенял я девчонкам.

– Ой! – воскликнула старшая, – а мы думали, это ваша!

– Нет у меня никаких собак, – добавил я ворчливо. – За вами он увязался. Что ж, проходите, коль пришли. – И я отъехал со своим креслом, давая возможность девочкам зайти. – Разоблачайтесь.

– Как вы смешно сказали, – фыркнула первая. – Как будто в полиции служите и хотите нас, как врагов, разоблачить.

– Нет, предлагаю снять верхнюю одежду. Раздеться, иными словами. Вы не ранены?

– Слава богу, нет.

– Пуля просвистела мимо. – И они обе засмеялись.

Пудель осмотрел всю квартиру, вернулся ко мне и доверчиво положил голову на колени, всматриваясь в лицо, а потом даже лизнул руку, одну и вторую.

– Ты что, потеряшка? – спросил я его. – Тоже хочешь обрести приют? Ничего у тебя со мной не выйдет. У меня на собак аллергия. Вы чаю хотите? – обратился я к девочкам.

– Нам бы сначала наоборот.

– Ванная – там. Чистые полотенца в корзинке на стиральной машине.

Они обе ускользнули в туалет. Девчонки были чистыми и свежими – младшая, наверное, в жизни и косметикой не пользовалась еще никогда. Впрочем, зато половина ее шевелюры была выкрашена в ярко-голубой цвет. Старшенькая была немного полновата, но зато с ярким и необычным светом сине-зеленых глаз.

Они выбрались из ванной более спокойные и повеселевшие. Я не ожидал никакого подвоха с их стороны, воровства или мошенничества. Вряд ли способны подличать люди, которые подставляют себя ради высокой цели под дубинки ОМОНа.

– Итак, чай? – обернулся я к ним.

– Сначала позвонить. У вас есть городской?

Я показал им на трубку на призеркальном столике и вежливо, не желая подслушивать, уехал в гостиную. Меня сопровождал, прыгая вокруг, пудель. «От него-то как мне отвязаться? Попрошу девиц забрать собаку с собой». Я подкатил к окну. Оцепление еще не сняли: и ярко-желтые барьеры были на месте, и грузовики-поливалки, и гвардейцы в своих шлемаках. Но среди последних началась расслабуха. Они не строем стояли, как прежде, и не вглядывались в перспективу улицы Марата, а сбившись в группки, обсуждали что-то между собой. Не знаю что. Может, сколько людей сегодня отходили дубинками и электрошокерами, а может, перспективы «Зенита» в чемпионате.

– Мама, у нас все нормально, – разумным, но снисходительным тоном вещала из коридора старшая. – Да, скоро поедem домой. Какая разница, почему мы с городского звоним! – в голосе добавилось раздражения. – Да, мамочка, не волнуйся, с нами ничего не случилось и не случится.

Девчонки запросто годились мне даже не в дочери – во внучки.

Но лет сорок назад, или тридцать, или даже двадцать я бы наверняка начал за ними ухлестывать. И я подумал: как безжалостно время. Девицы совершенно не смотрят на меня как на сексуальный объект. Да и на что там смотреть! Седой инвалид, с кистями, покрытыми старческой гречкой.

Наверное, я мог бы предложить им денег за любовь. Ведь презренный металл у меня водился. И мы бы, может, даже столковались. Но я совершенно не хотел продолжать наше знакомство подобным. В этом было что-то грязное, что-то похожее на патрули в касках, захватившие мою улицу, – только в другом роде.

Они вошли в гостиную.

– О, как у вас тут! – сказала старшая.

– Шикарно, – откликнулась вторая.

– Осваивайтесь, – предложил я.

– Нет, мы поедem. Мама волнуется.

Они подошли к высокому окну, встали рядом со мной.

– О, «космонавты» еще не ушли.

– Лучше выходить через Пушкинскую, – предложил я.

– Да, мы здесь все проходные знаем.

– Вам далеко?

– В Купчино.

– По нынешним временам рядом.

– А вы один живете? – выскочила с вопросом младшая.

– Хочешь уплотнить меня?

– Уплотнить? – не поняла она.

– В революцию в барские квартиры подсеяли жильцов с окраин, рабочих, матросов и солдат.

– Нет, – она слегка покраснела, – просто спросила.

– Ладно, если чаю не хотите, идите с богом. Только пуделя заберите.

– Да! Пудель! – хватились они. – Ты, как же тебя звать, к ноге!

Но собаки нигде не оказалось. Как бы в ее поиске, но им и интересно было, они обошли все комнаты – я за ними. Заглянули в кухню, в кладовку, снова в ванную. Пес исчез куда-то, как растворился в воздухе.

– Странное дело! – воскликнула младшая. – Собаки не коты, вроде не умеют прятаться.

– А у вас дома живность имеется?

– Котейка. Звать Марсом. А вы правда один живете? И у вас даже никого из домашних питомцев нету? Почему?

– Ездил по миру всю жизнь много, не с кем оставлять было. А теперь уж поздно начинать.

– А вы женаты?

– Больше нет.

– А почему?

– В советские времена это называлось «не сошлись характерами». – Не буду же я им рассказывать все сложные перипетии своих отношений с Людмилой: встречи, расставания, раз-

вод, потом снова брак – с ней же – и, наконец, окончательный разрыв. И как она, стерва, постит теперь в Фейсбуке¹ фотки с Гавайев в обнимку со своим Полом – явно ведь, чтоб позлить меня.

– А вы по профессии кто?

– Сейчас рантье.

– О! А кем раньше были?

– Конструктор, ученый. Профессор, доктор наук. В Хьюстоне работал, в Оксфорде и в Париже преподавал.

– Ого!

Старшенькую я бы, наверное, уговорил. Как это называется на Западе: «секс из милосердия»? Но нужно было время. Час, два, три.

– Ладно, мы поехали, – сказала старшая.

– Да оставайтесь, маме позвоните, что задержитесь. Связь теперь есть.

– Нет-нет, мне завтра на работу, Полине в институт.

«Уговаривать я их не буду».

– Хорошо, тогда – прощайте. Захлопните за собой дверь. Звать-то вас как?

– Я Кристина, она Полина. А вас как?

– Семен Иванович.

– Мы вам очень благодарны, что вы нас выручили. Мы вам позвонили, и вы сразу открыли, без расспросов. Сейчас так редко бывает.

– А я не из «сейчас». Я советский.

– А тогда лучше было?

– Люди – да, были лучше.

– Мы пошли.

– Пуделя вы так и не нашли, мне оставляете, – сказал я ворчливо.

– Может, вам веселее с ним будет?

Они обе подошли ко мне и попрощались жестом, ставшим популярным в коронавирусные времена: мы столкнулись в воздухе кулачками. А потом они отправились восвояси, захлопнули за собой дверь. Навсегда из моей жизни. Просить телефончик – это, может, сработало бы, будь я на несколько десятилетий моложе.

Эх, жизнь моя, жизнь. Как быстро она пролетела. И вот я уже никому не нужный старик. Почему ж я не ценил времена, когда был молодым, румяным, страшно глупым, подтягивался пятнадцать раз на турнике, выпивал за вечер семь кружек поганого советского пива, выучивал за ночь матанализ или теоретические основы электротехники, а за другую ночь – восемь раз атаковал мою Людмилу, которая впервые допустила меня до своего молодого роскошного тела.

Я отъехал к окну гостиной, глянул на угол Невского и Марата. Оцепление сняли. Гвардейцы и желтые грузовики разъехались неведомо куда, и только желтенькие барьеры стояли, собранные вместе и связанные, на тротуаре плотной кучкой.

И тут, откуда ни возьмись, в гостиной появился пудель. Зацокал по паркету коготками, снова подскочил ко мне, стал ластиться, лизаться. От него совершенно не пахло псиной, только шампунчиком, как будто его только что, перед визитом ко мне, помыли.

А потом пес отбежал от меня на середину гостиной, где стоял старинный круглый стол, и вдруг стал увеличиваться в размерах. Вот он величиной с большого пса, какого-нибудь лабрадора, затем стал словно теленок. А потом встал на задние лапы. Постепенно принялась исчезать его черная кучерявая шерсть. Морда, узкая и длинная, стала приобретать человеческие черты. Он становился все выше. Расправились плечи, передние лапы превращались в руки. Не прошло и минуты, как передо мною стоял человек: в лихо заломленном берете, чернявый,

¹ Организация признана в РФ экстремистской и запрещена.

с пиратской повязкой на одном глазу, со сверкающей тростью – видимо, из чистого золота, набалдашник которой был украшен громадным бриллиантом.

– Узнал меня? – первым делом ухмыльнулся прищелец, ухарски мне подмигнув. – Ты ведь начитанный человек.

– Да, я узнал. Ты, как говорят, та сила, что хочет зла, но совершает благо.

Он кивнул.

– Верно.

– Значит, ты Мефистофель? Воланд? Падший ангел? Сатана? Лукавый? Нечистый?

– Фу, не люблю последних определений. Как в деревне, право: «лукавый», «нечистый»...

– На какие же прозвища ты любишь откликаться?

– Воланд и Мефистофель придумано неплохо. Но ведь это я *им* имена подсказал.

– «Им»? Кому? Авторам? Булгакову и Гёте?

– Конечно.

– Вы общались?

– А ты сам подумай: осилили бы они такие огромные да умные и яркие кирпичи – без моей-то помощи?

– А зачем ты явился ко мне? Я ведь романов не пишу. Поэм – тем более.

– А как ты думаешь, зачем?

– Тебе нужна моя бессмертная душа.

– Верно.

– На каких условиях?

– Да ты ведь только что слюнки на молоденьких протестанток пускал. Мечтал, как бы им вдуть – обеим. И совершенно верно прикинул, что в старом твоём теле, дряблом и скукоженном, тебе ничего не светит. А вот был бы ты молодым, сильным и глупым – запросто бы и их умествил, и еще десяток иных девиц. Думал об этом, а, Семен Иваныч?

– Допустим, думал.

– Вот я и пришел к тебе предложить сделку.

– Какую же?

– Что я тебе хочу сказать? Дьявольщина идет в ногу со временем, и всего вот этого: огня, дыма, кровавой подписи – этой средневековой чепухи больше нет. Если уж люди додумались свои земные договора на расстоянии электронной подписью скреплять, то inferнальные силы даже и текст соглашения больше на бумаге не печатают, достаточно пожатия рук, и все готово.

– А суть, суть-то контракта в чем?

– Вот слушай. Художественные произведения, в исполнении того же Гёте или Булгакова, живописуют процесс совсем не так, намеренно воду мутят и придумывают занимательные, но несуществующие подробности. А все почему? А все потому, что к договору, со мной заключаемому, прилагается секретный протокол, который оглашению ни при каких условиях не подлежит. И даже существует пожелание с нашей стороны пакт сей всячески, как называется в определенных сферах на Земле (близких к нам, впрочем, – оборонных и чекистских), «легендировать». То есть сущность его по возможности для простого люда туманить – что граждане, решившиеся описать его, с успехом и делали. Ну помилуйте, какой там домик, увитый виноградом, и бесконечная жизнь с полюбовницей! Какая там погоня за Прекрасной Еленой! Нет, нет, все обстоит совсем не так.

– А как же?

– «А как» – я смогу рассказать тебе это, только если ты соглашение с нами подпишешь. Не могу же я тебе поведать детали без окончательной уверенности, что ты – *мой*. Но я еще раз повторяю: на самом деле все обстоит и гораздо проще, и приятней, и удобней, чем описано в книгах.

– Так все же – как?

– Значит, ты согласен? По рукам?

– Вот не думал, что я с самим Сатаной буду рукопожатиями обмениваться.

– Ой, оставь эту выпренность! «С самим Сатаной!» Называй меня лучше Люцифером – красивое имя. Итак? – и он вдруг запел – недурственным баритоном, но с пародийными, дурашливыми интонациями: «Давай пожмем друг другу руки, и в дальний путь на долгие года!»

– Боже! На что я решаюсь!

Его передернуло.

– Не упоминай при мне имя этого, так сказать, всемилостивого и всемогущего, врага моего номер один! Ты все-таки совсем с иными силами сделку заключаешь!

– Ах, извини.

– Твоя рука?!

Я протянул ему руку. Он пожал ее. Ладонь его не была ни холодной, ни влажной, ни жесткой. И при пожатии ее не померк свет, не блеснула молния, не вырвалось из-под земли пламя. Нет, все произошло как при обычной сделке на Земле – и, может быть, как и при соглашениях, принятых среди людей, в нашем договоре была куча скрытых условий и невыгоднейших параграфов, напечатанных мелким шрифтом.

– Ну что ж. Теперь ты – *мой*. Поэтому, перед тем как отправить тебя в путешествие, расскажу тебе что и как.

– В путешествие? Куда еще?

– В ментальное путешествие, мой дорогой, в ментальное. Итак, вот как действует наша непрерывная, беспрерывная система «молодость в обмен на душу»? – Тут он стал похож на рекламного агента или бизнес-тренера, что пытается вкрутить своим слушателям какую-нибудь фигню, каковая немедленно решит все их проблемы: глаза загорелись, своей тростью, словно шпагой, он сделал выпад, будто фехтовальщик. В свете люстры сверкнул бриллиант. – Сейчас ты оставишь навсегда свое старое, поиздержавшееся, поизносившееся тело и, мою волею, переместишься, как хотел, в тело новое, сильное, юное! Простое переселение душ, реинкарнация – ближе всего к пониманию этого процесса подошли буддисты и йоги. Сейчас твоя душа здесь – а через минуту войдет в иную оболочку, что окажется гораздо моложе твоей прежней. И ты получишь шанс прожить со своим старым, существующим сознанием новую жизнь. Не хочу забегать вперед, но после, когда ты снова состаришься, уже в своем новом, полученном от меня сегодня теле – если доживешь, конечно, ведь в жизни все бывает, – возможно, ты, как постоянный клиент, получишь новый шанс на новое перерождение. И так – без конца. Вот оно, бессмертие.

– Ты говоришь, я совершаю не первый случай переселения душ?

– Ха-ха! «Не первый»! Конечно же, не первый! И не второй! И даже не тысячный! Подобной практике многие не то что десятки – сотни и тысячи лет. И людей, которые подверглись *переносу* и снова, заново живут свои жизни, в общем счете набираются тысячи, а то и десятки тысяч. Может, даже за всю историю человечества таковых насчитывалось и сотни тысяч. А откуда, ты думаешь, взялись все эти всемирные гении? Наполеон? Ленин? Шолохов? Илон Маск? Неужели им хватило бы одной, своей собственной жизни, чтобы добиться всех тех достижений, которые они продемонстрировали изумленному человечеству? Явно ведь они использовали наработки, ум и знания, приобретенные ими в своей предыдущей реинкарнации!

– И ни один из них – не рассказал?! Не проболтался?!

– Во-первых, друг мой, не забывай, что протокол, который мы подписали, секретный; во-вторых, кто будет рисковать прослыть сумасшедшим, повествуя, что он вторую или третью жизнь проживает? Кстати, подобные чудики, что начинают болтать, иногда все-таки встречаются – их ты можешь обнаружить в основном среди пациентов многочисленных домов скорби. И в-третьих, зачем же великим людям самим на себя поклеп наводить и рассказывать во все-

услышание, что это они не сами достигли своих феерических успехов, а черт их попутал и разрешил прожить на Земле другую жизнь – используя все наработки их предыдущего существования! Конечно, все молчат себе в тряпочку, и странно было бы иначе. И ты будешь молчать.

– Но в чем твой-то интерес? Ведь твоя цель – человеческая душа, разве нет?

– Конечно, душа! Так ведь я ее и получаю. Твоя сущность начинает переселяться и переселяться из одного тела в другое и поэтому, по сути, теперь будет жить вечно. Но – *на моих условиях*. Ведь отныне тебе, заключившему со мной сделку, не нужно душу свою совершенствовать. Не нужно становиться лучше – в расчете на эфемерное бессмертное существование и житие после жизни. Напротив, ты на Земле станешь проживать как тебе хочется, как тебе нравится, творить все что хочешь, без оглядки на этого вашего так называемого Господа! И тебе в будущем все равно станет светить новое переселение, и, таким образом, в итоге ты получишь эту, ту самую, сулимую вашим богом вечность. Но на моих, люциферовых, условиях!

– А что же, значит, Господь есть?

Он усмехнулся.

– Ну, если я есть – значит, есть и он.

– И бессмертные души в принципе существуют?

– А ты подумай: зачем иначе мне соблазнять тебя? И уговаривать подписать договор? Ясно же, что раз я домогался твоей души – и получил ее, кстати! – то, значит, были до нее и другие охотники, иные претенденты. Просто у них, у всех этих ангелов-архангелов и светлой стороны бытия, пиар похуже, чем мой, и рекламные агенты практически не работают. Все пущено на самотек: поверил в этого вашего бога – значит, поверил. Выполнял всякие там заповеди, слушал проповеди – получишь посмертно царствие небесное. А как там все обустроено, у человечества ясной картины нет, а рекламные агенты со стороны добра или всевышнего ведут дела, повторюсь еще раз, довольно плохо. Вот и выбирают люди не самое совершенное бытие, зато хорошо знакомое – здесь, на Земле. Как и ты выбрал, кстати. Ну, мы заболтались. Пора тебе в путь.

И он надвинулся на меня, глядя своими угольно-черными глазами прямо мне в душу, и коснулся бриллиантовым набалдашником своей трости моего лба.

...Я сидел за уроками.

Я ощущал свое новое тело: молодое, упругое, сильное.

Оно многое мне обещало.

Тем более что был я уже не глупым четырнадцатилетним мальчишкой, а оснащенным собственной многолетней мудростью.

Мама пришла с кухни. В руках она комкала полотенце. В ее глазах стояли слезы. Она сказала:

– Дедушка умер.

Я чуть не брякнул: «Я знаю». Но потом фарисейски воскликнул: «Ой, как жаль!»

Судилице

Меня вывели в большой зал, чем-то похожий на современный советский кинотеатр или большой дом культуры вроде бывшего кинотеатра «Россия» на Пушкинской площади. Хорошо еще балкона с бельэтажем не было. Но зал весь оказался заполнен до отказа. Ни одного свободного места. И это было, конечно, ужасно неудобно, потому что был я совершенно голым.

При моем появлении по залу прошел шумок, но никто, естественно, не заплодировал – да я и не ждал никаких оваций.

Меня усадили прямо посреди сцены, на колючий и неудобный стул. Его сиденье было из кожзаменителя, поэтому прилипало к голой коже.

В зале вроде бы не было знакомых лиц. Сидевшие в первом ряду две девушки обменялись между собой усмешливыми замечаниями – возможно, по поводу моих скромных статей. У меня и впрямь все скукожилось, да еще и холодно было, из какой-то дыры все время поддувало. Я постарался усесться так, чтобы прикрыться, хотя бы ляжками, от посторонних взглядов. Кисти рук мне привязали кожаными ремешками к деревянным поручням кресла. Крайне неудобно, и морально и физически, было так сидеть голеньким на виду у всего зала.

Откуда-то раздался голос, монотонный, тихий и усталый:

– Слушается дело номер двенадцать миллиардов сто двадцать три миллиона... Впрочем, порядковый номер является конфиденциальной информацией... В деле имеется эпизодов... Э-э, точное количество эпизодов также является закрытыми данными и может быть изменено, добавлено или исключено в ходе процесса. Итак, эпизод первый. Оскорбление действием, насилие. Нарушение статьи о почитании старших. Подсудимый в возрасте четырех с половиной лет третировал свою прабабушку, оставленную за ним присматривать, оскорблял ее и даже бил. Обладая ограниченной подвижностью, женщина не могла защититься и только молила о пощаде. Так продолжалось несколько часов, пока не пришли родители.

– Вызваны ли свидетели по делу? – прозвучал другой голос, низкий, глубокий – явно голос Главного.

– Прабабушка героя от показаний отказалась, ссылаясь на поправку, позволяющую не свидетельствовать против прямых родственников.

«Бабушка, – растроганно подумал я. – Ты опять меня спасаешь».

– Тогда заслушаем подсудимого.

– Протестую! – На авансцену откуда-то вспрыгнул молодой человек, до чрезвычайности модно и импозантно одетый, в дорожном костюме и туфлях, в эффектной галстучке и с платочком в наружном кармане. Лицо его украшала небольшая стильная бородка. Внешне он напоминал актера Аль Пачино – но не нынешнего, восьмидесятилетнего, а молодого, времен «Крестного отца». Адвокат, сразу понял я. Он сразу стал бурно выступать, прямо с места в карьер.

– Прошу вообще исключить эпизод из рассмотрения! Как справедливо разъяснялось специальным определением высокого суда, ни один подсудимый не несет ответственности за свои деяния до первого причастия или – в случае если он по каким-то причинам не принимал причастия – до того возраста, когда в соответствующей конфессии его положено вкушать. В нашем случае это семь лет, и возраст подсудимого во время инкриминируемого ему деяния совершенно явно до него не дотягивает. Прошу исключить эпизод!

– Принимается! – раздался глубокий бархатный голос из выси. – Случай первый из рассмотрения дела исключается.

Адвокат удовлетворенно, сценически развел руками и подмигнул мне, мол, смотри, каков я! Держись меня, приятель, и мы их всех разнесем!

Снова зазвучал первый, невидимый, торопливый и равнодушный голос – судя по всему, секретаря:

– Слушается эпизод номер два. В возрасте одиннадцати лет подсудимый толкнул девочку, сидевшую на перилах беседки. Девочка упала с большой высоты и сломала руку: двойной перелом лучевой кости со смещением. Статья о насилии, закончившемся членовредительством. Потерпевшая присутствует в зале?

– Да! – На авансцену, к небольшой трибунке, вышла женщина, которую я совершенно не помнил: уже совсем не девочка и даже далеко не молодая, с бесконечно усталым лицом.

– Опишите, пожалуйста, ситуацию и меру своих страданий, – спросил ее откуда-то сверху глас секретаря.

– Было очень неожиданно и больно, – пожаловалась женщина, поглаживая руку. – Вдруг я лечу на асфальт с большой высоты. Потом я долго лечилась. А этот, – она кивнула на меня, – все твердил, что сделал все нечаянно. Хотя это явное вранье.

– Вы простили подсудимого?

– Н-не знаю. Не думаю, что простила. Вряд ли простила.

– Подсудимый! Что вы можете сказать в свое оправдание?

Ко мне быстренько подбежал адвокат и скоро зашептал: «Соврите им что-нибудь. Обычно хорошо идет про любовь. Любовь для них вообще – ключевое слово, они от него млеют. Скажите, что у вас к этой девочке зарождалось тогда первое, трепетное чувство и вы таким образом хотели к себе ее внимание привлечь. Только с сексуальной составляющей не переборщите, всего в меру».

Он отскочил, и я понял, что весь огромный зал теперь смотрит на меня и ждет моего слова.

– Я виноват, – пробормотал я. – Я просто был молодой дурак и ни о чем не думал. Прости меня, Ира, – откуда-то вспомнилось прочно забытое имя девочки, и слезы непроизвольно потекли по моему лицу.

Свидетельница со своего места посмотрела на меня с жалостью.

– Итак, мы видим, – тут же вклинился бойкий адвокат, – что происшедшее можно трактовать как простую случайность, полное отсутствие злого умысла, а такие эпизоды, по определению высокого суда, из рассмотрения исключаются.

– Ты прощаешь его, Ира? – раздался громовой и бархатный голос сверху, и в зале вдруг зазвучала тревожно-бравурная музыка, словно в телевизионной судебной передаче-реконструкции.

– Да, – тихонько произнесла она.

– Громче, пожалуйста!

– Да, прощаю.

Снова бравурный аккорд. В зале кое-кто зааплодировал.

– Ввиду прощения потерпевшей данный эпизод из дела предлагается исключить, – прокомментировал невидимый секретарь.

После раздумчивой паузы, во время которой опять слышалась волнующая, тревожная химическая музыка, вдруг прогудел сверху голос судии:

– Эпизод исключается.

Ко мне подскочил адвокат и потрепал меня по голому плечу.

– Тьфу-тьфу-тьфу, хорошо идем! Они уже по двум эпизодам обломались.

– Эпизод третий, – секретарь не унимался. – Неоднократная, в цинической и особо цинической форме хула на Господа нашего. Неоднократное произнесение имени Его всуе. Рассказывание неприглядных и непроизносимых анекдотов, то есть злостное и неоднократное нарушение заповедей первой и третьей. Ввиду многократности вины, а также ее распределенности во времени и пространстве и отсутствии прямых пострадавших предлагается свидетелей по

каждому из данных эпизодов не вызывать. Если подсудимый будет отрицать, перейдем к конкретному рассмотрению каждого эпизода и соответствующим доказательствам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.